

Григорий Марфин

“ДАЛЕКИЙ КОЛОКОЛ” АНАТОЛИЯ ЖИГУЛИНА

В 2001 году, спустя год после смерти поэта, в воронежском издательстве им. Е. А. Болховитинова вышла в свет книга Анатолия Жигулина “Далекий колокол”. Этот сборник, включающий в себя лирику разных лет, автобиографическую повесть “Черные камни”, заметки и дополнения к повести, рассказы, письма читателей и воспоминания современников и друзей поэта, представляется своеобразным итогом жизненного и творческого пути А. Жигулина. Составлением издания занималась жена писателя — Ирина Викторовна Жигулина, которая, несомненно, лучше всех знала и понимала поэта. В истории русской литературы трудно вспомнить еще хотя бы одного автора, у которого было бы столько посвящений единственной возлюбленной. Можно сказать, что всю свою жизнь, все свое творчество А. Жигулин дарил своему верному другу и супруге — Ирине, только в ней он видел надежду и опору в нашем непостоянном мире. “Чрезвычайно важным и даже, наверное, решающим фактором моей творческой жизни и жизни вообще была моя встреча осенью 1961 года с Ириной Викторовной Неустроевой, тогда молодым критиком, выпускницей ВГУ, — моей возлюбленной, моей невестой и вот уже 35-й год моей женой, — пишет А. Жигулин в автобиографии. — Всю мою послелагерную жизнь (по сей день) меня преследуют болезни и душевные смуты. И всегда первым и надежным целителем была она”. Только ей А. Жигулин доверяет всю свою душу, все свое творчество, которое он оставляет миру: “Она до смерти мне нужна / И даже после смерти”, потому что только Ирина Викторовна сможет завершить то, что не успел поэт. Несомненно, что И. В. Жигулина составила “Далекий колокол” именно так, как это сделал бы сам автор.

В книге “Далекий колокол” впервые объединены в одном издании поэзия и проза А. Жигулина, и именно такое сочетание кажется наиболее оптимальным, потому что лирика и проза в творчестве поэта тесным образом переплетены между собой,

взаимодополняют и взаимообогащают друг друга. Сама основа творчества А. Жигулина подразумевает такое взаимодействие: многие стихотворения, особенно колымского цикла, невозможно по достоинству оценить, не зная контекста судьбы писателя, описанной в “Черных камнях”. Поэтому до появления автобиографической повести на литературных вечерах перед чтением многих своих стихотворений А. Жигулин давал предварительный комментарий, объясняющий то, что может остаться за гранью понимания лирического произведения из-за незнания жизненного контекста. И в то же время лирика органично включается в текст повести, служит эмоциональным документом описываемых событий. “Черные камни” можно рассматривать именно как произведение о судьбе поэта. Лирика и проза А. Жигулина составляют летопись судьбы автора, и могут быть восприняемы как единый художественный массив, образующий неповторимую книгу жизни поэта.

Творчество А. Жигулина в своих глубинных основах исключительно автобиографично — он пишет только о том, что лично пройдено, прочувствовано и пережито: “Больше того, что есть в душе, / Мы, увы, не напишем, мой друг”. Это поэтическое кредо автора. Даже пейзажная лирика, открыто не претендующая на значение документального жизненного факта, события, имеет за текстом биографическое подкрепление в душе поэта, связанное для него с определенным периодом или моментом его жизни: “За окном был уже недалек рассвет. Небо явственно светлело. Сквозь верхнюю, занавешенную треть окна были видны руины двухэтажного дома и дерева. Кажется, тополя. И сложилось у меня нечаянно первое в неволе двестише: “Утро туманное, серое, мглистое / Грустно качает осенними листьями...” Каждое слово поэта имеет за собой жизненную основу. В “Черных камнях” А. Жигулин объясняет мотивы и историю появления многих своих стихотворений, приводит психологический и эмоциональный контекст их создания.

Стихи А. Жигулин начал писать в ранней юности, и уже тогда они были о пережитом — о годах войны. В 1949 году его стихотворения были впервые опубликованы в многотиражке политчасти УМВД по Воронежской области “Революционный страж” (“Два рассвета”) и в газете “Коммуна” (“Пушкинский томик”). Этот год стал переломным в судьбе поэта, но не из-за публикаций. 17 сентября А. Жигулин был арестован по делу КПМ (“Коммунистическая партия молодежи”), в руководстве которой он принимал активное участие. Обо всем этом подробно

рассказано в автобиографической повести. Жигулину было суждено выдержать год следствия в подвалах Управления МГБ, жестокие избиения и пытки, а чуть позже началась лагерная биография поэта — строительство железной дороги Тайшет — Братск в Сибири и работа на золотых и урановых рудниках на Колыме. Жигулину повезло — он прошел этот ад, а ведь из 1000 работавших в Бутугычаге, по свидетельству бывшего лагерника П. М. Хмельницкого, осталось в живых только 36 человек.

Такую судьбу дано перенести не каждому, и не всякий может справиться с таким грузом. Но А. Жигулин говорил: “То, что со мной произошло, — большое счастье”, потому что “лагерь сделал меня поэтом”. Именно как поэт лагерной темы он и входил в большую литературу, или, как называла его критика, — поэт “трудной темы”. Такая метафора родилась не только благодаря цензуре, были и другие причины. Многие лагерные стихотворения, особенно в первых сборниках, полностью умещаются в официальную советскую идеологию, в них явно чувствуется пафос комсомольской романтики, гимн труду и строительству новой жизни вопреки любым препятствиям. Активное участие в коллективном труде (не случайно поэт постоянно сбивается на “мы”) дает герою оптимистическое чувство предельной наполненности бытия, ощущение реализации собственной биографии в общем жизненном процессе:

Я пронес на плечах
Магистраль многотонную!
Вот на этих плечах!
Позавидуйте мне!

Но в некоторых стихотворениях, с годами их проникало в сборники все больше, невольно останавливаешься на необычных для официальной поэзии деталях и лексике: барак, норма, довесок хлеба, прикрепленный щепкой к пайке, зона, зэки и черные номера на спинах. И начинает проступать то, настоящее, чувство, которое уже не спрятать за комсомольским оптимизмом:

Мне помнится
Рудник Бутугычаг
И горе
У товарищей в очах.

Эти стихотворения бросают трагический отсвет и на “комсомольскую” лирику, которая в новом окружении получает совершенно иное значение. Мотивы преодоления трудностей сменя-

ются темой борьбы за жизнь, а символика приобретает новое, более глубокое и порой прямо противоположное содержание. А. Жигулин ничего не меняет в ранее опубликованных стихотворениях — в них не было ни слова фальши, все детали достоверно верны, даже красный флаг над копром, где погиб друг героя, — только в новом для читателя контексте судьбы автора он уже воспринимается совершенно иначе.

Несмотря на необычность темы, А. Жигулин избегает излишней “экзотики” повествования, потому что за внешними событиями, за событийной фабулой стиха всегда идет напряженный рост души героя. В северном цикле весь мир расколот, разведен на полярные полюса: черное и белое, верх и низ, добро и зло, честность и подлость, жизнь и смерть, и герой всегда находится перед экзистенциальным выбором между ними. Главная задача — не просто выжить в суровых, нечеловеческих условиях лагеря, но сохранить нравственную чистоту, пройдя все испытания. Лагерь стал, говоря словами самого поэта, “первой жизненной школой”, в которой было место не только горечи несправедливой обиды, но и красоте, дружбе и любви. Во многих колымских стихотворениях светлое чувство одерживает верх над искаженным бытием, потому что человек оказывается сильнее уродливой государственной системы. Поэт говорил:

Все по правилам было тогда —
 Как положено русским поэтам —
 И любовь, и мечта, и беда.

Лагерь пунктиром проходит через все творчество А. Жигулина, вся его, даже поздняя, лирика стоит на колымском фундаменте. С годами тема не отпускала поэта и память не давала покоя, из года в год возвращая в места своей юности, потому что так много еще не нашло своего выражения, столько невысказанной боли хранилось в душе: “Трудная тема, / А надо писать. / Я не могу / Этой темы бросать”. Долгие годы со времени освобождения А. Жигулина мучили ночные кошмары, пока он не написал в 1984 году повесть “Черные камни”, которую считал своей главной книгой. “Я последний поэт сталинской Колымы. Если я не расскажу — никто уже не расскажет. Если я не напишу — никто уже не напишет”, — так начинается глава “Кладбище в Бутугычаге”, хронологически появившаяся первой и послужившая началом этому подлинно историческому исследованию. Нравственный долг человека и в первую очередь долг памяти перед сгинувшими на просторах Колымы не позволили А. Жигулину оставить лагерную тему. Книга воспоминаний явля-

ется не только отголоском личной судьбы ее автора, но и историей многих его современников.

После выхода в свет “Черных камней” читательская аудитория разделилась на две противоположные группы: на тех, кто восторженно приветствовал ее появление, находя в этом знак торжества справедливости, и тех, кто злобно пытался очернить автора в попытке оправдать себя. Такая ситуация сложилась из-за того, что многие действующие лица трагедии были еще живы. Были живы и многие следователи, палачи, предатели, партийные руководители, благословлявшие арест. “И от всех них исходит обращенное к “Черным камням” и их автору черное зло”, — пишет А. Жигулин, которому вновь пришлось пережить поток несправедливых обвинений. Однако сторонников автора было намного больше. Со всех концов страны в редакции шли письма с требованием прекратить травлю поэта и рассказывавшие про аналогичные истории и судьбы (многие из этих писем приведены в издании). А. Жигулину выпало представлять от лица целого поколения: “Толя, ты заполнил пустую социальную нишу эпохи. Ты реабилитировал поколение, которое считалось рабским и безъязычным”, — писал поэту Э. Пашнев. Теперь можно с уверенностью говорить, что имя А. Жигулина стоит в одном ряду с признанной классикой лагерной литературы вместе с Александром Солженицыным, Варламом Шаламовым и многими другими, чьи произведения являются не только художественным анализом эпохи, но и документальным свидетельством для истории.

А. Жигулин вернулся на родину с Колымы осенью 1954 года. Долгих 5 лет он жил надеждой на встречу с родным городом, с которым его связывали крепкие духовные нити. Воронеж для поэта всегда значил больше, чем просто место рождения, для него это идеальное пространство, дающее силы жить вопреки любым обстоятельствам:

Все прошел я:
Трудные дороги,
Злой навет и горькую беду,
Чтобы снова пальцами потрогать
Пыльную в канаве лебеду.

Как в убежище от колымских лет А. Жигулин уходит в свое воронежское детство, когда в душе царствовало чувство безграничной защищенности. О городе у поэта написано много, но лучшее по выражению чувств, как утверждал сам поэт: “Дирижабль”, “Металлолом” и “Воронеж, детство, половодье...”. До-

военный Воронеж для поэта — самый светлый и радостный мир, где “все доступно, все открыто и ничего еще не жаль”, где жизнь была еще вначале. Стихи о Воронеже в творчестве А. Жигулина это всегда не сам город как таковой, а воспоминания о нем (большую часть жизни добровольно или вынужденно поэт провел за его пределами). Город детства, который продолжает жить только в памяти поэта, навсегда сохраняет свое тепло для героя и способность хоть на миг вернуть ему то далекое ощущение мира, успокоив встревоженную душу:

Воронеж!.. Родина. Любовь.
 Все это здесь соединилось.
 В мой краткий век,
 Что так суров,
 Я принимаю, словно милость,
 Твоей листвы звенящий кров.

А. Жигулин говорил, что в детстве и ранней юности он любил город любовью особенной — “одухотворенной, щемящей, заинтересованной”, он гордился каждым малым его достоинством, его историей. Поэтому при встрече в 43-м году с разрушенным войной Воронежем боль была долгой и безутешной: “Город был совершенно пуст и как бы прозрачен — от кирпично-розовых развалин, от белого снега. И ни одной живой души”. Память поэта снова и снова возвращает его к этим страшным мгновениям его жизни и жизни страны. Война была началом его взрослой жизни, когда “В первый раз / Содрогнулась от муки / Защищенная детством душа”. Вместе с чувством боли от потери такого знакомого и дорогого мира, где проходила светлая довоенная жизнь, поэт приобретает особенное чувство родины, которое всегда таит в себе хоть капельку тихой, очищающей грусти: “Я опять пребываю / В растаявшем времени том / С чувством горькой потери — / Тяжелым и жгучим”.

“Малая” родина А. Жигулина вмещает в себя не только город, это — и сельская Россия, Черноземный край. Не случайно в одной из статей А. Михайлов причислял поэта к “деревенской лирике”. Такая двойственность родины была заложена в А. Жигулина изначально. Его мать, Евгения Митрофановна, принадлежала к старинному дворянскому роду, из которого происходил и известный поэт-декабрист В. Ф. Раевский, чью судьбу на новом витке истории во многом повторил А. Жигулин. У семьи Раевских был небольшой деревянный дом в Воронеже под Касаткиной горой (у поэта есть стихотворение, посвященное этой улице). Отец поэта, Владимир Федорович, был из крестьян

янского рода села Монастырщина, а позже вместе с семьей он переехал в село Подгорное, где А. Жигулин рос до 1937 года. Так все детство поэта прошло между городом и деревней, которые равно запали ему в сердце:

И луга за Подгорным —
Моя изначальная жизнь.
И горящий Воронеж —
Мое изначальное горе.

А. Жигулин рассказывает, что в Подгорном “впервые увидел и ощутил землю: чернозем, полынная степь, тихие степные речки с ивняками, меловые обрывы...” Из этих дальних лет поэт воспринял способность чувствовать родную землю, понимать и замечать любое ее движение. С каждым годом любовь к родному краю обогащается, приобретая все новые черты и оттенки, но никогда не утрачивая старых, поэтому мировосприятие поэта постоянно остается по-детски свежим и непосредственным, он способен удивляться и видеть красоту в самых обыденных вещах:

Земля, поросшая травой, —
Какое это чудо!
И запах мяты луговой
Неведомо откуда.

Образ “малой” родины зачастую создается при помощи очень простых, безыскусных деталей, но все они освещены глубоким чувством поэта. В пейзаже на равных правах находятся капуста и бескрайняя даль неба, зелень кукушкина льна и неохватный земной простор. Взгляд А. Жигулина в постоянном движении: он то останавливается на крохотной детали, то уносится в бесконечную даль. Поэт как будто пытается охватить всю землю целиком, ничего не забыв и не пропустив. Чувство любви к родному краю не позволяет проводить анализ достойного и недостойного внимания, потому что для А. Жигулина это все равно что резать по живому телу земли.

В лирике А. Жигулина природа — это одухотворенное пространство. Она способна к общению и сопереживанию. Мир природы может исцелить душевные раны и вернуть утраченное спокойствие. Нужно только научиться слушать ее дыхание: голоса травы и серебряный звон полыни, которыми мир открывает тайны бытия и личной судьбы. Как из живительного источника поэт берет силы для жизни у родного края:

Вот и снова мне осень нужна,
Красных листьев скупое веселье,

Словно добрая стопка вина
В час тяжелого злого похмелья.

Вот и снова готов я шагать
По хрустящим бурьянам за город,
Чтобы долго и жадно вдыхать
Этот чистый целительный холод.....

Потребность быть с природой постоянно и непреходяща для героя, потому что для него это подобно прикосновению к высшим силам, к божественной материи. Природа в лирике А. Жигулина постепенно поднимается на уровень религиозного сознания — “Вхожу как в храм / В березовую рощу”. И это не просто поэтическое сравнение. А. Жигулин был человеком глубоко верующим, поэтому для него было неприемлемым разбрасываться святыми понятиями попусту, ради красивого образа, — все в творчестве поэта — правда, выстраданная душой.

Лирическое “я” поэта идет по пути постепенного объединения с миром, душа впитывает краски природы, одновременно растворяясь в этом пространстве бесконечной духовности. С каждым годом все сильнее ощущается гармоничное единство человека и природного мира. Понимание своей общности с миром помогает поэту преодолевать часто возникающие пессимистические чувства безвозвратного бега “летающих стремительных дней” и необратимого течения жизни, которую он так любил. В лирике А. Жигулина вырисовывается своеобразная бытийственная, можно сказать, даже религиозная концепция человека, чей дух в конце пути сольется с мировым пространством. Смерть уже не пугает поэта:

Уйду без ропота и гнева,
Как дым в рассветные поля.
Но будет вечно это небо
И эта черная земля.

Растворившись в природе, “я” поэта всего лишь перейдет на новый духовный уровень существования, и он сможет вернуться к людям каплей росы или голубой полынью, пробуждающей воспоминания. В 1992 году А. Жигулин в стихотворении, посвященном Ирине, пишет: “Никогда мы, мой друг, не умрем. / Просто будет иная пора / И иной листопад у двора”.

Вся природа в лирике А. Жигулина пропитана памятью. Почти в каждом пейзаже виден след и недавно минувшей истории, и давно канувших, летописных лет, и собственной судьбы автора. Сама по себе вневременная, вечная природа принимает в свои недра весь исторический груз, всю человеческую боль:

Стрелу или пулю обреза,
Литое ядро с корабля —
Земля
Принимала железо
И тяжело вздыхала земля.

В буром цвете осенней листвы поэт отмечает ржавый цвет попавшего в землю железа, в лесном пейзаже взгляд выхватывает молодые елки, которые пытаются выбраться из окопа, а слетевший с клена лист может быть из X века. В лирике А. Жигулина за внешними проявлениями природного мира всегда угадывается духовная сущность мира, основанная на памяти. Прошлое никогда не уходит бесследно, а входит составным компонентом в настоящий мир. Современность и минувшее как будто накладываются друг на друга в потоке времени:

Ржавые елки
На старом кургане стоят.
Это винтовки
Когда-то погибших солдат.

Ласточки кружат
И тают за далью лесной.
Это их души
Тревожно летят надо мной.

А. Жигулина часто называли поэтом памяти. Она — его нравственный императив. Почти все творчество поэта — трепещущий груз памяти, ни на минуту не дающий отдыха. “И даже то, что позабыто, / Живет невидимо в душе”, — говорит поэт. Все его стихотворения в большей или меньшей степени ретроспективны, потому что автор считал, что лишь то, что отстоялось, выдержало испытание временем, может стать настоящей поэзией, сотканной из любви и боли. Память поэта хранит в себе не только личную судьбу, но и трагический путь всего народа, она несет боль целого поколения, теплой золой входит в душу поэта. Груз памяти невыносимо тяжел (“моя измученная память”, “горькая память” — часто пишет поэт), но А. Жигулин никогда от него не отказывался, потому что лишь тот, кто помнит, достоин быть Человеком.

С помощью памяти скрепляется человеческая цивилизация, вокруг нее выстраивается история и осуществляется связь поколений. “Еще многое мне вы должны о себе рассказать, / Чтобы я рассказал своему несмышленому сыну”, — обращается поэт к своим родителям. В пространстве памяти можно продлить и

собственную жизнь, оставшись в сердцах потомков, потому что человек живет, пока о нем помнят. Память, боль и любовь, составляющие жизнь, — три опорных момента для всего творчества поэта.

В 2000 году А. Жигулин завершил путь по земле, оставив бесценный груз своей души потомкам — свое творчество. “Жизнь, нечаянная радость”, как говорил поэт, удалась, она не прошла бесследно не только для него, но и для всей России — лирика А. Жигулина уже заняла свою нишу в классике русской литературы. Как написала Римма Казакова в прощальном слове, “это та великая русская литература, которую мы должны отстоять от наглого наступления чтива, подделок, суррогатов”.

Рецензия

Гришаева Л. И., Цурикова Л. В. Введение в теорию межкультурной коммуникации: Учебное пособие: Воронеж: ВГУ, 2003. — 369 с.

Самые полезные книги те, половину которых создает сам читатель: он развивает мысли, зародыши которых ему предлагают.....

Ф. Вольтер

В ноябре 2003 года во время конференции “Универсальное и специфическое в межкультурном и внутрикультурном диалоге”, проходившей в Воронежском государственном университете, я стала обладательницей одного из первых экземпляров только что принесенного из типографии пособия Л. И. Гришаевой и Л. В. Цуриковой “Введение в теорию межкультурной коммуникации”. Выход пособия можно без преувеличения назвать важным событием для всех, кто интересуется разработкой межкультурной коммуникации как учебной и научной дисциплины. Сегодня, когда она включена в учебные планы вузов, интерес к ней огромен, но при этом ощущается острый информационный голод — отсутствие отечественных книг, которые могли бы быть использованы для преподавания этого нового и столь популярного предмета. Новая книга Л. И. Гришаевой и Л. В. Цуриковой — это фактически первый (по крайней мере, известный мне) вышедший в свет в России практикум по межкультурной коммуникации (жаль, что практический характер пособия не отражен в его названии).

“Введение в теорию межкультурной коммуникации” — объемная книга, включающая 369 страниц. Пособие хорошо структу-